

Генерал Юнь Ле, стоявший в рядах придворных, был поражен не меньше остальных. Юнь Фэй с самого детства росла в неге и обожании, получая всё, чего только ни пожелает, — с чего бы ей вдруг бить в Барабан Дэнвэнь?

Император потер переносицу. Он знал, что Юнь Фэй не стала бы устраивать бесполезный шум; должно быть, случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Привести Сяньчжу Минъян во дворец, — распорядился он.

Юнь Фэй вошла, сменив привычные наряды на светло-зеленое платье с высокой талией, подчеркивающее ее тонкий стан. Держалась она уверенно и с достоинством. И император, и чиновники смотрели на нее с явной симпатией, и лишь один человек одарил ее презрительным взглядом.

Юнь Фэй даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто это.

— Минъян, какая беда заставила тебя прийти сюда? — при виде девушки лицо императора разгладилось, и на нем впервые за день промелькнула улыбка.

Имя Юнь Фэй дала Вэй Эрнян, а Минъян было ее вторым именем и титулом. Отношения императора с Вэй Эрнян были особенными.

Старший родной брат императора Чу Цанланя скончался в раннем возрасте. В те годы страной правил никчемный тиран, потакавший коварным наложницам, из-за чего народ бедствовал, и выжить было невероятно трудно. Семья Чу, хоть и была знатной, едва не погибла от рук подлых сановников, и ради спасения рода бывшему императору пришлось поднять восстание. Тогда старшая сестра Чу Цанланя, Чу Саньян, по призыву Вэй Эрнян создала Женскую армию.

Когда Государство Цзян только зарождалось, Чу Саньян и покойный император сражались на фронтах, а в столице оставался лишь юный принц — нынешний правитель. Мятежник Ян Цзылинь воспользовался этим и осадил город. Когда весть об этом дошла до Чу Саньян, было уже поздно. Чу Цанлань, опираясь лишь на городскую стражу, пытался сдержать натиск, но силы были неравны, и враг прорвался внутрь.

В самый критический момент подоспели войска Вэй Эрнян, и Ян Цзылинь, потерпев сокрушительное поражение, бежал. Чу Цанлань навсегда запомнил тот день: Вэй Эрнян на крепостной стене выглядела настолько величественно и властно, что невозможно было не склониться перед ее доблестью. С тех пор он относился к ней с глубочайшим почтением, как к родной сестре, а ее единственную дочь любил едва ли не больше своих собственных детей.

Юнь Фэй отвесила поклон. Ее живые глаза блеснули, и она произнесла ясным, звонким голосом:

— Я пришла просить справедливости, Ваше Величество. Со мной обошлись крайне несправедливо.

— О? Какая же обида у тебя, Минъян? Я непременно во всем разберусь, — пообещал император.

— Смею спросить, Ваше Величество, почему пало прежнее государство? — вопрос Юнь Фэй прозвучал дерзко, почти крамольно.

Но она знала, что делает. Усвоив горький урок прошлого, два правителя Государства Цзян всегда прислушивались к советам и не карали за резкие слова, если те были продиктованы заботой о стране.

— Правитель был слаб, потакал наложницам, приближал подлецов, истреблял верных слуг, а евнухи и родственники жен боролись за власть, доводя страну до упадка, — твердо ответил император.

Он сразу понял, что цель Юнь Фэй серьезнее, чем кажется, и речь пойдет о государственных делах. Чиновники тоже не были глупцами: раз Юнь Фэй упомянула падение династии, значит, дело касалось кого-то из их круга. Вспомнив слухи о молодых принцах, многие догадались, к чему клонит девушка. Если это правда, то Третий принц обречен.

Государство Цзян никогда не допустит появления такого правителя, пусть даже он старший сын императора.

Юнь Фэй, видя, что ее слушают, продолжила:

— Раз Вы помните это, Ваше Величество, я обвиняю Третьего принца в том, что он потакает наложнице, позорит свою жену и пренебрегает долгом перед страной ради низменных страстей.

В зале воцарилась тишина. Все понимали тяжесть этих слов: если обвинение будет доказано, Третий принц потеряет всё.

— Дерзость! — раздался резкий голос.

Император нахмурился. Говорившим был правый канцлер Шэнь Мубай, сын покойного министра, гений, прославившийся еще в юности. Втайне он был наставником Третьего принца и питал чувства к Юнь Цзиньсэ.

Юнь Фэй холодно усмехнулась:

— У господина канцлера действительно выдающиеся способности — даже на Ваше Величество он не обращает внимания. Поразительно! Видимо, ради женщины господин Шэнь готов забыть и о долге перед страной, и о самом государе.

Шэнь Мубай, только что выкрикнувший это, тут же пожалел о содеянном. Лицо его побледнело, он едва удерживал маску благородства. Император посмотрел на него с ледяным спокойствием, и канцлер, обливаясь холодным потом, поспешно замолчал.

Император снова перевел взгляд на Юнь Фэй, и его голос потеплел:

— Так и будет. Закон един для всех, и я не прощу того, кто ставит свои прихоти выше блага государства.

Все поняли: император отрекается от Третьего принца.

— Благодарю Вас, Ваше Величество, — Юнь Фэй склонилась в глубоком поклоне. — Поскольку дело касается безопасности государства, прошу позволить мне провести очную ставку.

— Хорошо, — кивнул император.

Юнь Фэй решила не оставлять камня на камне от репутации Юнь Цзиньсэ. Она потребовала вызвать саму Юнь Цзиньсэ, Третьего принца, сына генерала Сяхоу Дина, наследника князя Ци Сяо Ханя и нескольких слуг дома Юнь.

Император помрачнел. Он уже догадывался, что речь пойдет о заговоре. Все вызванные лица были опорой государства, и мысль о том, что они замешаны в чем-то подобном, леденила сердце.

Шэнь Мубай дрожал. Он понял, что сегодня для него всё кончено. Он не понимал лишь одного: почему Юнь Фэй, которую он всегда считал вздорной и ограниченной, вдруг стала такой опасной? Он любил Юнь Цзиньсэ, видя в ней чистоту лотоса, и всегда прикрывал ее огрехи. Но теперь, когда Юнь Фэй заговорила об угрозе государству, его осенило: недавнее появление лазутчиков из государства Ляо могло быть связано с поездками Юнь Цзиньсэ.

Он не хотел в это верить. Он смотрел на Юнь Фэй с ненавистью, надеясь, что она просто лжет. Но Юнь Фэй, встретив его взгляд, лишь высокомерно отвернулась. Она знала, что такое быть отвергнутой и преданной, и больше не нуждалась ни в чьем одобрении.

— Итак, — император снова обратился к Юнь Фэй, — все в сборе. Говори.

Третий принц Чу Тяньлин, прожигая Юнь Фэй ненавидящим взглядом, не сдержался:

— Что ты несешь! Ты всегда травила Цзиньсэ, а теперь решила оклеветать ее? Бесстыдство!

— О, неужели Третий принц знает, что такое бесстыдство? А я-то думала, вы совсем забыли о правилах приличия, — язвительно ответила Юнь Фэй.

Император, не выдержав, швырнул чашку в сторону сына:

— Замолчи!

Чашка разбилась у ног принца. Чу Тяньлин испуганно замер. Император закрыл глаза, чувствуя, как внутри растет разочарование. Он так долго верил в своего первенца, но сегодня тот показал себя во всей красе.

— Раз принцу больше нечего сказать, продолжу я, — Юнь Фэй перевела взгляд на Юнь Цзиньсэ, отчего та вздрогнула. — Больше года назад моя сводная сестра упала в воду, а очнувшись, стала совсем другим человеком. Она начала вести себя странно, нарушая правила дома. А чтобы выходить на тайные встречи, она подкупала слуг у черного хода. Знаете, чем? Своими шелковыми платками!

Юнь Цзиньсэ побледнела. Она, попаданка из другого мира, не знала местных правил приличия и просто делала то, что ей хотелось.

— Не смей клеветать на нее! — взревел Третий принц, бросаясь защищать дрожащую Юнь Цзиньсэ.

Император смотрел на эту сцену с отвращением. Его собственный сын превратился в посмешище, ослепленный женщиной.

— Это лишь начало, — продолжала Юнь Фэй. — Позже моя сестра, переодевшись мужчиной, встретила с Третьим принцем. Они стали называть друг друга братьями, а потом принц узнал, что она женщина, и влюбился. В знак своей любви она подарила ему нефритовую подвеску со стихами: «Трудны для вод морских другие воды, лишь океан — вода...»

Юнь Фэй перевела взгляд на Сяхоу Дина, который заметно нервничал.

— И самое интересное, — улыбнулась она, — таких подвесок было две. Вторая с надписью «Коль суждено нам век в любви прожить, зачем же нам разлуки превозмочь?». Как думаете, у кого сейчас вторая подвеска?